

циональной и языковой политике, стремление к возрождению национальной государственности и традиций при решении вопроса о государственной символике, стремление к интеграции с Российской Федерацией при решении вопроса о форме и направлениях межгосударственного сотрудничества при реализации права на самоопределение.

В дальнейшем народ Беларуси принимал решения не только на общегосударственных референдумах, но иными формами и способами, выражая свою суверенную волю по различным аспектам права на самоопределение межгосударственного, экономического, культурологического характера, по вопросам формы правления, организации государственной власти, правам человека и иным.

Список использованных источников:

1. Белорусская юридическая энциклопедия. В 4 т. Т.3. П-С/ редкол.: С. А. Балашенко (и др.).- Минск: ГИУСТ БГУ, 2010. – 623 с.
2. Постановление Верховного Совета СССР «Об организации и мерах по обеспечению проведения референдума СССР по вопросу о сохранении Союза Советских Социалистических Республик» от 16 января 1991 года // Известия. 8 марта 1991 г. – С.1-2.
3. Постановление Верховного Совета БССР «Об организации подготовки и проведения в Белорусской ССР референдума СССР по вопросу о сохранении Союза Советских Социалистических Республик» от 21 января 1991 года // Ведомости Верховного Совета Белорусской ССР. - 1991, №6 (8), ст.59.
4. Ведомости Верховного Совета Белорусской ССР. - 1991, №22-23. ст.332.

УДК 340.152 (37)

**РОЛЬ ОБНОВЛЕННОЙ ТЕОРИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ФАКТОВ
В РАЗВИТИИ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

А.А. Шафалович,

доцент кафедры теории и истории государства и права Белорусского государственного экономического университета, к.ю.н, доцент

Введение. Среди юристов распространено мнение о юридических фактах как о “категории вообще малопригодной в юридической практике” [1, с. 185]. Между тем, юридические факты не просто участвуют в формировании законодательства и практики его применения, а в значительной степени задают им параметры и влияют на их эффективность. В данной статье мы проведем обзор некоторых последних новаций в теории юридических фактов, в первую очередь, авторских, которые, на наш взгляд, совершенствуют характеристики правовой материи и социально-правовых связей, тем самым повышая качественные характеристики правовой системы Республики Беларусь.

Основная часть. Реализация положений теории юридических фактов на сегодняшний день в нашей республике неоднородна. Если в правовой доктрине до недавнего господствовало *узконормативистское понимание юридических фактов* как обстоятельств, прямо закрепленных в правовой норме, то в законодательстве при отсутствии официального дефинирования юридических фактов

в ст. 7 Гражданского кодекса Республики Беларусь и ст. 364 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь фактически закрепилось новое, более широкое понимание юридических фактов. Следуя логике этих статей, *юридическими фактами* мы признаем конкретные жизненные обстоятельства, значимые для права, за которыми правопорядок признает способность к движению правоотношения.

Такое широкое понимание юридических фактов способно придать большую эффективность правовой системе, не загромождая правовое регулирование чрезмерной детализацией, т.е. сохраняя фактическую систему компактной и гибкой, при этом даже улучшая системные связи в праве. Делается это путем закрепления в правовой норме, в первую очередь, в правовых принципах, бланкетного состава сложных юридических фактов, т.е. когда разрешена отсылка к другим источникам права, помимо данного нормативного правового акта. А знание об общей классификации юридических фактов, их признаках и функциях, наделяя юридические факты родовыми и видовыми свойствами, восполняет отсутствие детального закрепления и регламентации юридических фактов в законодательстве и помогает их адекватно оценить, т.е. дать верную правовую квалификацию.

Однако широкий подход к пониманию юридических фактов в законодательстве пока не стало доминирующим. Объяснением тому является производность теории юридических фактов от теории правопонимания. И поскольку в ст. 1 Закона Республики Беларусь “О нормативных правовых актах Республики Беларусь” закреплена этатическая (государственническая) позитивистская теория как вектор развития правовой системы, то и закрепление положений теории юридических фактов шло преимущественно в этом ключе.

Теперь о *регулятивном потенциале теории юридических фактов для правовой системы*. Система юридических фактов, четко очерченных в источниках права и достоверно установленных, — несомненно, одна из важнейших гарантий законности. Однако это не означает детализацию правовой регламентации, скорее, наоборот. Н.П. Курцев и Е.Н. Горюнова отмечают: “...В жизни нередко возникают новые связи и отношения, которых не наблюдалось раньше. Если бы закон не предусматривал признания их равнозначными юридическими фактами, то все участники таких отношений считались бы нарушителями закона. ... Бурное эволюционное, революционное развитие общественных отношений часто вступает в противоречие с действующим законодательством. Подчас в законе невозможно предусмотреть все нюансы юридических фактов” [2, с. 24–25]. Это подтверждает вредность узконормативистского подхода к пониманию юридических фактов и необходимости их широкого понимания, а также законодательного расширения перечня источников права Республики Беларусь, помимо нормативного правового акта.

Объемность фактической системы Республики Беларусь как следствие узкого понимания юридических фактов, требующего их прямой, детальной фиксации в нормативных правовых актах, и, как следствие, массивное законодательство не является показателями эффективности правовой системы. Таковым выступает способность самой фактической системы права регулировать общественные отношения и разрешать конфликты, т.е. гибкость и способность к эволюции, развитию без резких поворотов, коими грозит этатическое правопонимание. По

словам Г.А. Василевича, “правовая система представляет собой именно систему лишь в том случае, когда она настроена на самосовершенствование” [3, с. 6].

Ж.Ю. Мирошникова пишет: “Однако это не означает, что любые индивидуальные правоотношения могут возникать только при наличии соответствующих норм права... В этих условиях индивидуальный (частной и коллективной) свободы правовых отношений при четких границах охраны интересов общества и его граждан возникновение правоотношений, прямо не предусмотренных законом,.. вполне допустимо” [4, с. 17]. Соглашаясь в целом с данным положением, отметим некоторые неточности: как раз “любые индивидуальные правоотношения могут возникать только при наличии соответствующих норм права”, но необязательно норм закона. Именно возникновение правовых следствий в соответствии с нормами допускаемых в обществе источников права — один из многих гарантов правопорядка и законности. Это уточнение важно в свете дополнительной функции юридических фактов, которую сама Ж.Ю. Мирошникова назвала “выполнение гарантий законности” [4, с. 10].

И.А. Зенин вообще полагает, что “факты реальной действительности, вызывающие юридические следствия, появляются раньше правовых норм, являясь предпосылкой последних, а не наоборот” [5, с. 65–67]. Очевидно, что данное высказывание допустимо только при широком понимании юридических фактов и непозитивистском правопонимании.

Правовая система, зависящая от веления законодателя признать или не признать факт правовым, не может быстро реагировать на чрезвычайно разнообразные и подвижные общественные отношения. Она громоздкая и нединамичная, обновляется преимущественно путем сложной процедуры законотворчества. Ее развитие скачкообразно и иногда зигзгообразно, поскольку всякое новое изменение может кардинально отличаться от предыдущих. В конечном итоге соблюдение справедливости является ее приоритетом, поскольку такая громоздкая фактическая правовая система, завязанная на системоцентризме, не может чутко реагировать на единичные проявления несправедливой квалификации юридического факта. Она способна реагировать на некое критическое число таких фактов, чтобы разом обновить фактическую систему. Суд, первым видя несовершенство правового регулирования, однако оставаясь в такой правовой системе “устаи, произносящими закон”, также имеет слабый доступ к совершенствованию фактической системы права.

Стратегическое развитие правовой системы Республики Беларусь, согласно романо-германской традиции, делает упор на правовое урегулирование общественных отношений. Имеющийся перевес правовой регламентации над правовой защитой отражается в том, что при большом количестве государственных органов, наделенных нормотворческими полномочиями, роль судебных органов в стратегическом развитии правовой системы неоправданно занижена. На сегодняшний день они как с количественной, так и качественной стороны не способны обеспечить поступательное, устойчивое развитие правовой системы. Об этом свидетельствуют следующие показатели. Так, в нашей стране на 1 млн. населения приходится 72 судьи, что 2-3 раза меньше, чем в развитых странах с аналогичными системами права [6, с. 157]. При этом объем правосудия, согласно статистике, год от года возрастает валовообразно. Например, по сравнению с 2009 г.

в 2010 г. поступление дел на одного судью увеличилось с 94,3 до 97 дел и материалов (6,9 уголовных дел, 40,3 гражданских, 3,1 материала и 46,7 дела об административных правонарушениях) [7]. И эта тенденция сохраняется. Нехватка судебных кадров влечет сверхнагрузку, текучесть кадров, недостаток времени для повышения квалификации, судебные ошибки. Обвинительная направленность правосудия (по статистике только около 0,3 % из общей массы приговоров в Республике Беларусь оправдательные) также во многом обусловлена недооцененной ролью суда в механизме правового действия и в самосовершенствовании правовой системы.

Традиционное мнение, будто усложнение общественных отношений требует обязательного усложнения правового регулирования, представляется ошибочным и даже вредным в стратегии эффективного правового регулирования, поскольку любой социальный институт, в том числе право, должны работать как редуктор сложности общественных отношений. В этом суть социального прогресса.

Компактное, следовательно, более качественное законодательство, как результат практического воплощения широкого понимания юридических фактов, имеет массу преимуществ. Отсутствие всеобъемлющей правовой регламентации юридических фактов восполняется, если не правотворческой функцией суда, так хотя бы правом законодательной инициативы для высших судов. Обновление правовой системы в этом случае идет последовательно и постепенно. Суд четче отслеживает соответствие юридического факта критерию справедливости. Кроме того, еще С.А. Муромцев считал, что “защищаться судом в качестве нормального института может и не юридическое отношение” [8, с. 347]. К слову, такая защита “де-факто”, согласно ст. 7 ГК Республики Беларусь, закреплена законодательно.

Примечательно, что правосознание и правопонимание судей особенно важно для определения круга юридических фактов, для уточнения пределов правовой системы даже в странах романо-германского правового круга. Это очень заметно на примере важной роли прецедентного права Европейского Суда по правам человека. Да и Республика Беларусь во многом благодаря одобрительному отношению и настоятельной рекомендации со стороны представителей белорусской правовой доктрины (например, Г.А. Василевича, В.Н. Бибило) медленно, но все же приближается к признанию прецедентного права в качестве самостоятельного источника права. Такая ситуация объясняется тем, что судьи получают больший доступ к формированию системы фактов, признанных правом, т.е. легитимированных в рамках национальной (а во все более унифицированном праве – и глобальной) фактической системы права.

Перераспределение нагрузки в механизме правового действия от правовой регламентации к правовой защите стало бы, по нашему мнению, свидетельством последовательной реализации обновленной теории юридических фактов на законодательном уровне. Это означает установление чутких взаимосвязей между законодателем и судом в области правотворческой функции, и в конечном итоге идет в ключе общемировой тенденции по сближению правовых семей. Отрадно, что Указ Президента Республики Беларусь № 454 от 10.10.2011 г. свидетельствует о движении в этом направлении [9].

Отметим также новации в понимании *места юридических фактов в механизме правового действия*. Современные авторы часто пишут о самостоятельном месте юридических фактов в этом механизме, хотя эта позиция не нова. Так, почти все учебные издания, где дается схема механизма правового регулирования, выделяют такой самостоятельный элемент до элемента правоотношения. Кроме того, С.А. Зинченко в своей монографии постоянно обосновывает самостоятельность юридических фактов в механизме правового регулирования: юридические факты “...предстают сущностью ...” правоотношений [10, с. 122], “...юридические факты являются сущностным компонентом права и “движущим началом” всего механизма правового регулирования” [10, с. 129].

Ж.Ю. Мирошникова также полагает, что “наличие дополнительных функций у юридических фактов явно подчеркивает их самостоятельность в механизме правового регулирования” [4, с. 10]. Следуя этому умозаключению, соответственно, отсутствие дополнительных функций юридических фактов доказывает обратное. Так, ее основному постулату, что “широта и разветвленность функциональных связей юридических фактов свидетельствует, что они представляют собой самостоятельный элемент механизма правового регулирования” [4, с. 15], мы противопоставим свой: широта и разветвленность функциональных связей юридических фактов свидетельствует об их системообразующей функции для правовой системы. Даже в пределах национальных правовых систем система юридических фактов является всеобъемлющей, поскольку пронизывает и объединяет все отрасли права в единую правовую систему.

На наш взгляд, при всей бесспорной значимости юридических фактов для правового регулирования их не стоит оценивать как самостоятельный элемент механизма правового регулирования, и уж тем более нельзя определить одно, заранее определенное место для юридических фактов в этом механизме: до или после правоотношения, т.к. они присутствуют на всех стадиях этого механизма. Их роль в механизме правового действия заключается не в сущностном компоненте правоотношения или права. Для сущности права юридические факты “мелковаты”, ведь под сущностью права в разное время понимались и справедливость, и свобода, и дух народа, и государственное принуждение, и правопорядок, и общественный интерес, и другие, но всегда намного более абстрактные, ёмкие вещи, нежели юридические факты (хотя, надо отметить, термин “юридические факты” также нередко подвергался критике по причине своей абстрактности). Единственная роль, на наш взгляд, на которую могли бы они претендовать, это — “конкретизация сущности” (термин С.Г. Дробязко и В.С. Козлова) [11, с. 12]. Выполнение такой роли юридических фактов обеспечено их системообразующей и правообразующей функциями.

Поэтому роль юридических фактов заключается в том, что механизм правового регулирования осуществляет свое действие посредством юридических фактов. В этом ключе более логичен термин не “механизм правового регулирования”, а “механизм правового действия”, поскольку основное свойство юридических фактов — связывать факт и его последствия. Ведь в механизме правового регулирования дело заканчивается состоянием урегулированности правовой материи, нормативным закреплением статуса юридических фактов, а не самим

производством правового последствия, которое является основной задачей юридических фактов.

Заключение. Тем самым, предлагаемые нами новации в теории юридических фактов обосновывают необходимость законодательного расширения перечня источников права в Республике Беларусь, сдвига “центра тяжести” правового регулирования от прямого государственного регулирования к косвенному государственному (посредством усиления позиций судебного права, в том числе расширения нормотворческих полномочий высших судов) и даже к негосударственному (например, посредством корпоративного права). Практическое воплощение рекомендаций теории юридических фактов, обновленной на основе сглаживания противоречий между позитивизмом и непозитивизмом, может привести к качественно иному законодательству и устойчивому развитию правовой системы Республики Беларусь, тем самым к устранению дисбаланса в механизме правового действия между правовым регулированием и правовой защитой.

Список использованных источников:

1. Talamanca, Mario. Istituzioni di diritto romano / Mario Talamanca. – Milano: Dott. A.Giuffre` editore, 1990. – 829 p.
2. Курцев, Н.П. Правовая природа юридических фактов / Н.П. Курцев, Е.Н. Горюнова // Государство и право. – 2001. – № 10. – С. 24–30.
3. Василевич, Г.А. Развитие национальной правовой системы в условиях глобализации / Г.А. Василевич // Проблемы правового регулирования общественных отношений в условиях глобализации: материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 26 октября 2007 г. / Белорус. гос. экон. ун-т; редкол.: Г.А. Короленок [и др.]. – Минск, 2007. – С. 4–10.
4. Мирошникова, Ж.Ю. Функции юридических фактов по российскому законодательству: автореф. дис. канд. юрид. наук: 12.00.01 / Ж.Ю. Мирошникова. – Ростов-на-Дону, 2005. – 27 с.
5. Зенин, И.А. Основы гражданского права России: конспект лекций для специалистов по праву интеллектуальной собственности. – М, 1993. – 288 с.
6. Беспалый, В.О. Социология права: учеб.-метод. комплекс / В.О. Беспалый. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2009. – 175 с.
7. Информация о работе общих судов Республики Беларусь в 2010 г. // Юстиция Беларуси. – 2010. – № 3.
8. Муромцев, С.А. Гражданское право Древнего Рима / С.А. Муромцев; каф. гражд. права юрид. фак. Моск. гос ун-та. – М.: Статут, 2003. – 685 с.
9. О мерах по совершенствованию деятельности общих судов Республики Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь, 10 окт. 2011, № 454 // Консультант плюс: / Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «Юр Спектр». – Минск, 2011.
10. Зинченко, С.А. Юридические факты в механизме правового регулирования / С.А. Зинченко. – М.: ИД “Волтерс Клувер”, 2007. – 152 с.
11. Дробязко, С.Г. Общая теория права: учеб. пособие / С.Г. Дробязко, В.С. Козлов. – Минск: НО ООО “БИП-С”, 2003. – 336 с.